

Наташа Романова

**ЗЛО НА БАЛАНСЕ
РАВНЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

Наташа Романова

**Зло на балансе
равных возможностей**

«Издательские решения»

Романова Н.

Зло на балансе равных возможностей / Н. Романова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852199-7

Попытки изменить что-то к лучшему заканчиваются непредсказуемо. Нельзя добавить что-то на одну чашу весов, находящихся в равновесии, и сохранить при этом баланс. Стеша прошла множество квестов, заданных жизнью, столкнулась с подлостью и предательством, прежде чем поняла, что самое главное в ее жизни... Человек сам поддерживает баланс: своими поступками, мыслями, умением прощать, любить.

ISBN 978-5-44-852199-7

© Романова Н.
© Издательские решения

Содержание

1 глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Зло на балансе равных возможностей

Натasha Романова

© Натasha Романова, 2017

ISBN 978-5-4485-2199-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 глава

Будильник уже полчаса горланил хит Самойлова, хотелось чтобы он замолчал навсегда, любыми путями. Не открывая глаз шарила по прикроватной тумбочке в поисках телефона, обнаружив источник звука раздраженно запихнула под свою подушку. Отвратительная песня перемежалась судорожной вибрацией, глухо дудела прямо в ухо. Заспанная девушка неохотно, с трудом, привела свое тело в сидячее положение. Напротив кровати стоял огромный шкаф. В мутных разводах, наспех вымытые зеркала на дверцах деревянного истукана, услужливо и язвительно отражали действительность. Беспорядочно разбросанная одежда на полу, бардак на компьютерном столе. Чашка, в кофейных потеках, намертво приклеилась к столешнице, стоит уже неделю. Хлебные крошки везде, даже в постели, попытки стряхнуть не имели успеха. В комнате все покрыто густым слоем пыли. Стеша обхватила голову руками, несколько раз с силой дернула себя за нечесанные рыжие космы, боль согнала остатки сна. Внезапная жалость к себе и своей жизни стала комом в горле. Горькие, соленые слезы уже готовы были брызнуть из глаз, заструиться по лицу, размывая остатки вчерашнего макияжа, она снова забыла умыться. События последних дней привели в тупик. Ну ничего! Выход найдется! Мысли насккивали одна на другую. Надо же так вляпаться, сколько их было, неприятных жизненных историй, не сосчитать, всегда удавалось выкрутиться. Некстати у Всевышнего закончилось терпение к ее безрассудному упрямству. Работа не волк, но идти надо. Кофейку бы крепенького, и прибраться не помешает.

Уже на улице застегнула пальто, обмотала шею объемным шарфом. Интересно, где люди берут свободное время?! В школу бегом, в институт бегом, на работу тоже самое, а жить когда?! Ей некогда, это она знала наверняка.

Весеннее солнце светило изо всех сил, прогревая снежные островки на обочинах, прикасалось нежными поцелуями к свисающим с крыш сосулькам. В одночасье отступила зима, сдала свои позиции без боя. Бездонное небо, удивительно голубое, без единого облачка. Таким оно бывает только ранней весной. Голову кружил особый запах, замешанный на талом снегу, влажной земле и юности. Хотелось петь, любить до одури и танцевать. Была бы воля, заорала бы в голос:

– В юном месяце апреле, в старом парке тает снег!.. Хорошо вольным птицам, вон как радуются, сбиваются в пары, щебечут осанну весне. Никому до них дела нет... Стеша заприметила скопление народа, направилась в гущу толпы. Местная достопримечательность снова исполняет на бис.

Парк изобилдовал молодыми сосенками. В стремлении вырасти деревца забывали набрать массу, похожие на долговязых угловатых подростков, такие же худые и гибкие. Ветки сосенок едва прикрыты иглами растопырками. На верхушке одного деревца сидела ворона. Резким рывком качнулась на ветке в сторону и деревце от ее тяжести стало гнуться, как в замедленной кино съемке, артистка плавно опускалась вниз, продолжая цепко держаться за деревце. Когда голова ее оказалась в десяти сантиметрах над землей, расправила во весь размах оба крыла, в точности копируя эмблему двуглавого орла в перевернутом виде. Зорко следила за публикой, вертела головой во все стороны. зафиксировала подачку и тут же выпустила несчастное деревце из цепких когтей. Спрыгнула на землю, особой походкой генералиссимуса деловито зашагала к подачке. Зло каркнула, вместо спасибо, улетела не забыв подхватить кусок докторской колбасы...

Об этой вороне знали, смеясь, рассказывали байки. Вороватая, наглая птица совсем не боялась людей, застигнутая на горячем, вместо того чтобы улететь, набрасывалась на свидетелей своих проделок. Обычно они сбиваются в пары, а эта проказничала особняком, своих сородичей совершенно не любила. Получила прозвище Сонька, так же тащила все блестящее, ценное. Вороны выглядят почти одинаково, но эту не перепутать, всегда взъерошенная, похожая на сорванца, вихрастого проказника, с металлическим кольцом на лапе. Поговаривали, будто ее намеренно натаскивали местные воришки. Как бы там ни было, характер был у птицы скверный. Дралась с дворовыми собаками за помойную вкуснятину, до первой крови долбила клювом собачьи головы. Карканье и лай сливались в какофонию, у прохожих закладывало уши. Часто являлась непрошеной гостьей в квартиры, через открытые окна просачивалась любопытной тенью и редко улетала пустая. Прихватывала нужное и не особо, если ничего достойного не находила, устраивала бардак в виде перевернутых, разбитых предметов.

Стеша усмехнулась, стареет каркуша, раз за еду так корячится. Вспомнила, как это пернатое чудо природы испортило свадьбу и жизнь бывшей подруги. Хотелось зачеркнуть прошлое черным, жирным маркером, только такое не забудешь.

Золотарев был всеобщим любимцем. Прирожденный лидер, спортсмен, комсомолец и просто красавчик, посещал пару спортивных секций, активно участвовал во всевозможных олимпиадах и конкурсах, защищал честь школы. Был гордостью учебного заведения о чем гласила красноречивая надпись на доске почета. Учителя говорили о нем с придыханием, восторженно закатывая глаза ставили в пример отстающим хулиганам.

Саша пел под гитару модные песни, лениво и вальяжно перебирал струны глядя в глаза очередной влюбленной в него девчонке, пополнял армию страдающих о нем девичьих сердец. Стеша была в их числе, сохла по нем. Безнадежно влюбленная девушка напридумывала себе кучу комплексов служивших помехой их счастью. Юноша прочно занял сердце курносой старшеклассницы.

Возвышенное чувство пробудило в ней талант поэта. Стихи рождались сами собой, слова косами заплетались в рифмы. Как большинство влюбленных, обнажала душу в своих творениях. Делилась сокровенными переживаниями с девичьим дневником, иногда зачитывала отрывки стихов Полине. Подружка слушала восторженные речи о глазах без дна, трепетном сердце, чарующей улыбке, прикосновениям во сне, понимающе вытирала отчаянные слезы с лица подружки. Была всегда рядом.

Однажды дневник бесследно пропал, девушка перерыла все вещи, но заветная тетрадь исчезла. Налетела коршуном на подругу, они впервые, не надолго, поссорились. Поля клялась и божилась, уверяя подругу в непричастности к пропаже.

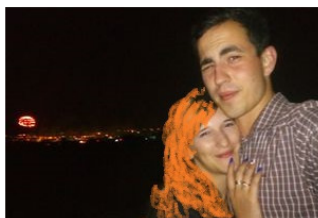
Дружба зародилась в детском саду, в который мамы их водили ежедневно, кроме выходных. Жили на одной лестничной клетке, одноклассники, ходили в одну школу, сидели за одной партой, по другому быть не могло.

В начале учебного года Золотарев подошел сам, пригласил в кино, протягивая прозрачный пакет с заветной тетрадкой. Это был ее дневник, по белому полю разлетались сиреневые бабочки.

– Твое? Я нашел в почтовом ящике.

Одноклассницы сверлили их глазами, перешептывались, завистливо хихикали, обсуждали его выбор. Стеша покраснела, стояла столбом под прицелом глаз, не в силах произнести разумный ответ. Понимала, он прочитал и понял все. Александр, не сводя с нее глаз, с усмешкой процитировал отрывок стихов Эдуарда Асадова:

– Буду счастьем считать, даря
Целый мир тебе ежечасно.
Только знать бы, что всё не зря,
Что люблю тебя не напрасно!...

Она каждый день мечтала о нем, о свидании, придумывала, как все произойдет, что скажет ему, но сейчас язык прилип намертво. Вместо слов нечленораздельное мычание, смогла только головой кивнуть. Спасибо, хоть это удалось сделать. Ей было невыносимо стыдно за свои мечты, за чувства, за свою полноту и рыжие волосы. Дальше все завертелось как в прекрасной сказке о любви. Они стали встречаться, объявили себя парой.

После каждого свидания заходила к подруге, поболтать, захлебывалась эмоциями, делилась собственным счастьем. Со временем подруги отдалились, Поля, часто, ссылалась на занятость, теснила подругу к двери, связи не теряли, но душевной близости, как раньше, не стало.

Стеша, вместе с любимым, поступила на юридический. Поля училась заочно и работала, у каждого свои заботы и дела, Стеша понимала и перестала докучать подруге. На третьем курсе института решила переехать к Александру, все и так предreshено, уже четвертый год вместе. Часто оставалась у него на ночь. Хотела в загс сходить, разузнать, что да как, подать заявление, заводила разговоры, но Саша отмахивался, не в росписи дело. Новость о беременности воспринял без энтузиазма. Намекал, что рано еще, доучиться нужно, встать на ноги, а ей хотелось торжества, семейных хлопот и малыша.

Тянуть дальше не было смысла, животик уже немножко уплотнился, другим не заметно, но вскоре не скроешь, сплетен не избежать. И так, подъездные кумушки швейцары одолевали мать расспросами:

– Ну, что Матвеевна, когда свадьба? Ночуют то вместе, поди? Срам и стыд, нынешняя молодежь!

Мать старалась побыстрее проскочить мимо любопытных кумушек. Торопливо кивала головой, скорым шагом заходила в подъезд. После таких расспросов у матери подсакивало давление, пила корвалол, тихонько плакала. Переживала, что дочь повторит ее судьбу. Отец

Стеши позорно сбежал, бросил ее в интересном положении одну, поддавшись на уговоры несостоявшейся свекрови, малодушный, маменькин сынок.

Случай столкнул подруг, нос к носу, у свадебного салона. Стеша рассматривала бело-снежные расшитые бисером, украшенные вышивкой произведения искусства. Изумительные платья, ручной работы, одно краше другого. Зачаровано смотрела на выставленные манекены, внутри стеклянной, уличной витрины. Небесная легкость кружев каскадом ниспадала в пол. Захотелось примерить, уже собралась шагнуть внутрь, как навстречу ей вышла Полина.

Внешне держалась как обычно, только в глубине глаз плескался заметный холодок. Известие о намечающейся, возможной, свадьбе восприняла без эмоций, не дослушала, обогнула подругу пошла прочь, молча. Стеша растерянно смотрела вслед удаляющемуся силуэту. На оклик Поля не обернулась. Непонятное поведение разъяснилось через неделю.

В дверь настойчиво звонили, открыла, рассмотрев в глазок знакомое лицо. Полина стояла пьяная, опухшая, грязь от туши растеклась по лицу, змеилась разводами до шеи. Задрала выше головы широкое платье, безобразно заорала:

– Как мужика делить будем? Вопрос?! Видала? Я беременная от него, слышишь тварь, ненавижу тебя! Все лучшее тебе?! На, выкуси!

Колокольным, набатным, звоном отдавались выкрики в голове, хотелось, чтобы она ушла. Смотрела на фигу, на искаженное пьяной злобой лицо, не узнавала. как могла не заметить, не понять, все очевидно же, но любовь ослепила глаза. Это что же выходит, они любили одного парня, Полина не подавала вида, успокаивала, утешала. Когда успела с ним, огромный живот выпирает красноречиво. Скрывала свои чувства к нему, или позавидовала, ненавидела, сделала назло?

Мысли носились чехардой, путались в голове. Утешила, на всю жизнь, ударила в спину, позарилась на чужое счастье. А он, как он мог? Знал, что живет, дышит, только им. Предали близкие люди, наплевали в душу. Захлопнула дверь, навалилась чудовищная усталость, ноги стали ватными, дятлом застучала боль в висках, присела, тут же, под дверью, Полина еще не угомонила, орала ругательства, била ногами в двери. Теперь стало понятным его раздражение и сильная занятость в последнее время, ни кино, ни прогулок, поэтому не торопился с женитьбой, выбирал кого из них ударить побольнее. Ей будто глаза промыли, дождалась его, он даже не оправдывался.

– Скучная ты, серая, ничего у нас не вышло бы. И мой тебе совет, сделай аборт, подачек от меня не жди.

Позже, доброжелатели, преподнесли слух о бракосочетании Поли и Золотарева. Жгучая боль, по своему растоптанному счастью, заставила обратиться к местной гадалке. Мамина знающая, скорбно поджимая губы, настойчиво советовала сходить к ней. Мол, многим помогла и тебе поможет. Денег не берет. Мать тоже подключилась с уговорами, наверняка, сил не было смотреть, как дочь погибает. Решила съездить, хуже не будет, хуже некуда.

Хмурый, бревенчатый, дом на отшибе, заросший одичалой малиной, выглядел замшелым и дряхлым. Корявая яблоня нависала над ним кровожадным монстром, скреблась, билась о крышу узловатыми ветками. Ветер выл в печной трубе, ухал и вздыхал, как уставший от жизни старик. Неприветливо темнели глазницы окон. Холодок липкого страха пробежал по спине. Дверь, в облезлых проплешинах коричневой краски, разохлась, жалобно скрипела ржавыми петлями. Стеша храбро перешагнула порог.

Мрачные сени, сплошь, увешаны метелками сухих трав. С потолка ключьями свисала пыльная паутина, у стены, на скамье, ведра с подгнившими огурцами, пахло теплой болотной тиной. Давненько тут не прибирались. Прошла дальше в комнату. На окнах плотные, черные шторы. Грубая ткань, похожая на дерюгу, не пропускала солнечный свет. Несколько зажженных свечей, в старинном, латунном, канделябре у стены. Стешу передернуло, взгляд наткнулся

на чучело филина, немигающий, холодный отблеск, огромных желтых глаз, гипнозом тянул в глубину. Когти навсегда, намертво, вцепились в покрытую лаком живописную корягу.

За дубовым столом сидела полноватая, пожилая цыганка. Колоритная одежда, как положено, юбки капустой, блуза с рукавами в раструб, яркая косынка покрывала смоляные, тронутые сединой волосы. В сморщенной руке есенинская трубка. Сизый, вонючий дым из курительной принадлежности, окутывал лицо ведьмы, витиевато стелился под потолком. Свисал густыми, рваными ошметками.

Откашлявшись, Стеша утерла слезы, выступившие от едкого удушливого дыма, продолжила осмотр. Перед ведьмой, на столе, раскинуты большие карты Таро, растрепанные по краям, затертые от частого использования. Огарок красной свечи, в слезных наплывах, давал скудные всполохи. Огонек вытягивался, расширялся, словно танцуя, отражался демоническими бликами в глазах ведуньи. На стене, за ее спиной, в такт свечному пламени, причудливо, отплясывали тени. Подсвечник в форме черепа, сильно походил на настоящий. Женщина заговорила первой. Голос, скрипучий, ножом врезался в сознание.

– Давно тебя жду. На возьми, рассыпь у подъезда где она живет, но помни, око за око, кровь за кровь. Зло древнее и нет ему конца от начала времен! А это прочитаешь. Уходи...

Стеша, поблагодарила, схватила пакетик с землей и протянутую бумажку, скорым шагом двинулась к выходу. Скорее на улицу, вдохнуть свежего воздуха, сильно разболелась голова, все поплыло перед глазами, ее вырвало. В автобусе немного успокоилась, сердце бухало в груди, стучало молотом где-то в пятках. Вышла на своей остановке. На свинцовых ногах добрела до подъезда, уже стемнело, воровато осмотрелась, вокруг ни души, рассыпала у подъезда проклятую землю. Развернула листок с ведьминим заклятием:

– Тебя призываю, о непотребный! Ангел с мертвыми глазами!

Продолжала произносить имя демона снова и снова. Ненависть волной поднялась, окутала сознание, злые слова проклятья рождались сами собой.

– Сдохни, тварь! Ненавижу! Проклята будь И ты, и твой выродок! Нима! Нима!

Утробный вой вырвался из ее горла. Неожиданно распахнулись двери подъезда, сосед с нижнего этажа с пластиковым ведром семенил мимо застывшей девушки к мусорным бакам. Пьяно пошатывался, спотыкался, путался в собственных, пузырчатых штанах. Балансировал и приседал подобно акробату на канате, выпрямлялся рывками, наступал на свои же тапки. Раздувал щеки, тарасил глаза, старался удержать равновесие изо всех сил, но все-таки упал. Хрустнуло дно ведра, вывалилось от удара о землю вместе с содержимым, явив миру припятанную чекушку. Славик икнул с испуга, суетливо очистил заветную бутылочку от прилипшей луковой шелухи и влажных газетных обрывков с остатками разделанной сельди, припадая на ушибленную ногу двинулся к гаражам. Ведро, со вздохом, кинул в мусорку, придется перед женой ответ держать.

Местные пропойцы группировались за гаражами. Установили несколько хлипких ящиков вокруг перекошенного дождями и ветрами, притянутого со свалки, журнального столика. Верх стола украшала изрезанная выцветшая клеенка. Импровизированный клуб по интересам открыт круглосуточно. Дресс-код отсутствовал, примкнуть мог любой желающий, обязательным условием был членский взнос в форме горячительного. Здесь прятали древние, облезлые шахматы и домино. Извлекали либо одно, либо другое из старого болотного сапога, оттуда же, из ядрено пахнущих резиновых недр, доставали граненый стакан. Соображали под нехитрую закуску, быстро доходили до кондиции, изливали друг – другу душу и реки уважения. Жаловались на женское непонимание и несправедливость бытия. Часто, после возлияний, пели задушевные песни, плакали горюче и надрывно, как могут только утомленные зеленым змием люди.

Стеша почувствовала сильную усталость, побрела домой. Отмахнулась от расспросов матери:

– Все утром расскажу, я спать.

Едва коснулась подушки, сразу провалилась в черноту, летела вниз головой подобно Алисе из Зазеркалья. Извилистые корни цеплялись за одежду, впивались в тело, разрывали кожу в клочья. Черный вихрь затягивал ее, кружил по спирали, как безвольную тряпичную, куклу. Темные, причудливые, демонические образы следовали за ней, безмолвно наблюдали

Она знала дату бракосочетания Золотарева, тянуло посмотреть на чужое счастье, хотя – бы издали. Стала за остановкой напротив здания. Хороший обзор, видно все как на ладони. Залитый солнечным светом день, бабье лето припозднилось, до сих пор радовало теплом. Рядом с автобусным временным пристанищем вольготно раскинулся ясень. Изумрудные листья, местами подкрашены осенним багряным румянцем, уютно шелестели над головой. Прислонилась к теплому стволу, ноги подкашивались. Тихонько запела:

– Я спросил у ясеня, где моя любимая, ясень не ответил мне.

Песенка всплыла сама собой, тоскливо и горько стало на сердце. Как же просто можно все разрушить, планов была громада, мечты о семейном счастье, где теперь все это?! Вся судьба на помойке, разбиты хрустальные замки. Финита ля комедия...

Наконец, дождалась, вышли красивые, он в костюме цвета беж, будто сошедший с экрана молодой Ален Делон, она в шикарном платье, смущенно прикрыла букетом белых роз свой подростный живот, восьмой месяц выпирает так, что видно издали. Роскошную прическу дополняла изумительной красоты диадема. Сияющими брызгами камней искрилась на солнце. Дорогое украшение, подарок свекрови на свадьбу, Поля быстро нашла с нею общий язык.

Фотограф выстроил всю родню на ступенях загса. Щелкал самозабвенно, менял ракурс, суетился вовсю. Стеша заприметила пернатое чудовище раньше других. Каркуша важно, не спеша, спикировала на голову невесты, вцепилась когтями в высокую прическу, долбила мощным клювом блестящее украшение, била крыльями по лицу, оставляла глубокие царапины. Дергалась стараясь взлететь, вырвала добычу вместе с клоками волос. Издавала победный клич команчей, подхватила цапульку и довольная полетела прочь.

Невеста кричала, зашлась в истерике, присела со страху. От возведенной за большие деньги, великолепной прически не осталось и следа. Нелепые испачканные кровью пряди торчали в разные стороны, делали ее схожей с огородным пугалом. Новоиспеченный муж Александр стоял столбом, смотрел разинув рот на все происходящее, не решался помочь. За таким, как за каменной стеной, Стешу распирало от злости: холеный подонок испугался стервозной птички. От любви ничего не осталось, только ненависть.

Происшествие заняло пару минут. Гости замерли истуканами с острова Пасха. Один фотограф, настоящий профессионал своего дела, пританцовывал от редкой удачи, такое видишь не каждый день, продолжал печатлеть на память тыл удаляющейся птицы. Понемногу все пришли в себя зашумели-загалдели, бросились утешать невесту.

Ажиотаж, вокруг ситуации, старательно подогревали две престарелые, умудренные жизненным опытом родственницы, вроде, со стороны жениха. Сморщенные кликуши осуждающе крутили головами, причитали наперебой:

– Вороны птицы вещие, быть беде! Не будет им жизни, это знак свыше!

Полю в тяжелом состоянии увезла неотложка. В больнице у нее родился мертвый ребенок, испуг спровоцировал схватки, ей назначили психиатра и покой. Полина испытывала панические атаки от любого напоминания о том злополучном дне, за один день постарела лет на десять, горстями глотала таблетки, еще больше расплнела и двигалась с трудом, раздражалась при виде чужих детей, изводила капризами мужа, он чувствовал себя виноватым, во всем потакал ей.

Стеша маялась, не было душевного равновесия, ощущения торжества от произошедшего, наоборот, с каждым новым днем чувство вины все больше угнетало, корила себя, зачем поддалась на уговоры, поехала к старой ведьме. Не хотелось верить в помощь потустороннего колдовского, заклятия, ненавидела себя и всех кто этому способствовал, вроде отомстила, но только легче не стало.

Золотаревы переехали, родители подарили им дом в пригороде, сбежали подальше от пересудов. Городок маленький, все на виду, из развлечений только сплетни, любит народ чужое белье ворошить, бесцеремонно лезут с расспросами, с удовольствием садиста ковыряются в чужих ранах. Стеша порадовалась отъезду ненавистной четы. Может к лучшему, скорее забудется, из глаз долой, из сердца вон.

Понемногу успокоилась, переключилась на себя, скоро начнутся пеленки да распашонки. Токсикоз сильно изводил, выматывал Стешу, сил ни на что не оставалось. Уладила дела с учебой, в институте взяла академический отпуск, позже, мечтала доучиться обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.